

Дѣва.

Я тебя не понимаю, Азраиль, ты говоришь такъ темно. Ты видѣлъ другой міръ; гдѣ жъ онъ? Въ нашемъ законѣ нѣчего не сказано о людяхъ, жившихъ прежде насъ.

Азраиль.

Потому что законъ Моисея не существовалъ прежде земли.

Дѣва.

Полно, ты меня хочешь только испугать.

Азраиль (*блѣднѣетъ*).

Дѣва.

Я пришла сюда, чтобы съ тобой про-

ститься, мой милый. Моя мать говоритъ, что покамѣстъ это должно,—я иду замужъ. Мой женихъ славный воинъ: его шлемъ блеститъ, какъ жаръ, и мечъ его опаснѣе молніи.

Азраиль.

Вотъ женщины. Она обнимаетъ одного и отдаетъ свое сердце другому.

Дѣва.

Что сказалъ ты? о не сердись!

Азраиль.

Я не сержусь! (*торжко*) И за что сердиться?

1829.

## Преступникъ.

«Скажи намъ, атаманъ честной,  
Какъ жилъ ты въ сторонѣ родной;  
Чай, прежній жаръ въ тебѣ и нынѣ живъ.  
Не остываетъ отъ годовъ.  
Здѣсь, подъ дубочкомъ, ты въ пустынь,  
Потѣшишь добрыхъ молодцовъ!»

— Отецъ мой, вѣкъ свой доживая,  
Былъ на второй женѣ женатъ;  
Она—красотка молодая,  
Онъ былъ и знатенъ, и богатъ...  
Перетерпѣвши лѣтъ удары,  
Когда захочетъ соколъ старый  
Подругу молодую взять—  
Такъ онъ не думаетъ, не чувствуетъ,  
Что послѣ будетъ проклинать.  
Онъ все голубить, все милуетъ;  
Къ нему заскачетъ она, много милуетъ она  
Его хранить въ минуту сна;  
Но вдругъ увидѣла другого,  
Не старого, а молодого—  
Лишь первая проходитъ ночь,  
Она, безъ всякаго зазрѣнья,  
Клевкомъ лишитъ супруга зрѣнья,  
И отъ гнѣзда помчится прочь!

.....)

Пиръ веселья забывалъ,  
И златогрубое вино,  
И домъ, гдѣ, чашу наполняя,  
Палило кровь мою оно;  
Какъ часто я чело покоилъ  
Въ колѣняхъ мачехи моей,  
И съ нею вмѣстѣ козни строилъ  
Противъ отца, среди ночей...  
Ея пронзительныхъ добзаний  
Огонь вшивалъ я въ грудь свою.  
Я помню ночь страстей, желаній,  
Мольбы, угрозъ и заклинаній,

Но слезы злобы только лю!..  
Богъ вѣсть, меня она любила,  
Иль это былъ притворный жаръ,  
И мысль печально утаила,  
Чтобы вѣрнѣй свершить ударъ;  
Иль мнила, что она любима,  
Порочной страстію дыша?  
Кто знаетъ! Женская душа  
Какъ океанъ неизсчѣдима!

И дни летѣли. Часъ насталъ!  
Ужъ грѣхотворникъ въ дни молодые,  
Я какъ предъ казнію дрожалъ...  
Гремятъ проклятія роковыя;  
Я принужденъ, какъ нѣкій тать,  
Изъ дому отчаго бѣжать.  
О, сколько мукъ! Потеря чести!  
Любовь, и стыдъ, и нищета!  
Вражда непримиримой мести  
И гнѣвъ отца! За ворота  
Бѣжалъ я, сирый, одинокій,  
И, обратившись, бросилъ взоръ  
Съ проклятіемъ на домъ высокій,  
На тотъ пустой, унылый дворъ,  
На прудъ заглохшій, садъ широкий!..

Въ безумьи мрачномъ и нѣмомъ  
Желалъ, чтобъ сжегъ небесный громъ  
И столъ, за коимъ я съ друзьями  
Пилъ чашу радости и нѣгъ,  
И рѣчки безыменной брегъ,  
Всегда покрытый табунами.  
Гдѣ принялъ онъ ударъ свинца,  
И возвышенныя стремнины,  
И тѣ коварныя сѣдины  
Неумолимаго отца;  
И очи, очи неземныя...  
И грудь и плечи молодые,  
И сладость тайную отрады,  
И усть неизлечимый ядъ;  
И ту зеленую аллею,

\*) Точки въ рукописи.